

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ

Двадцативосьмилетняя Сесилия Бартоли — самая популярная статья итальянского экспорта, помимо спагетти. В эпоху оперных див с характером и темпераментом капризной Кэтлин Бэттл простота поведения Бартоли кажется поистине феноменальной.

Оказавшись в Пасадене, она с удовольствием бродила по траве босиком («мне важно чувствовать землю под ногами»). На презентации фирмы грамзаписи «Тауэр рекордс» в Нью-Йорке она пять часов раздавала автографы, причем, убедившись, что с ее малым ростом ей трудно перегнуться через стол за очередным компакт-диском, решила подписывать стоя, пока кто-то не положил на сиденье стула два толстых телефонных справочника. Кстати, оперная дива пришла на презентацию в кроссовках.

В 1994 году Бартоли открыла новый сезон в Карнеги-холле концертом произведений Моцарта, Россини и Беллини. Особая цена была установлена на билеты для тех, кто после спектакля желал поужинать в обществе дивы — 1000 долларов. Все билеты разошлись заранее.

Голос Бартоли — богатое, мрачное чудо экспрессивности. Его не назовешь мощным, но он идеально сфокусирован. Это идеальный голос для произведений Моцарта и Россини, композиторов, на творчестве которых Бартоли специализируется. Но чтобы создать вокруг ее имени удивительную ауру, недостаточно одного голоса — даже такого редкого, как колоратурное меццо с диапазоном в три с половиной октавы и олимпийской гибкостью.

Может быть, не случайно директора «Ле Шаттл», новой железнодорожной линии, соединяющей Англию и Францию, решили назвать один из локомотивов «Сесилия Бартоли»?

Экспресс под названием «Бартоли» — вокальный талант вкупе с осязаемой радостью пения и прямой, пробирающей до костей. Бартоли — трогательное сочетание подростка и утонченной дивы, она может повязать на шею тончайший шелковый шарфик из дорогого магазина и закинуть за плечи рюкзак «от Гринписа». Порой она производит впечатление боттичеллиевского херувима в теле тичиановской женщины. Когда она врывается (именно врывается, а не входит) на сцену, с широко распахнутыми глазами, энергичная, яркая, сексапильная — каждая клеточка ее тела кричит — «сейчас будет очень здорово!» Никого уже не удивляет, что на концертах она распускает волосы, а не делает изысканную прическу; все уже привыкли, что после того, как опускается занавес, она выходит на сцену и аплодирует вместе со зрителями.

Даже самым скептические критики расточают ей похвалы. Питер Дэвис из «Нью-Йорк Мэгэзин» отметил ее «забавное вокальное искусство». Мануэла Нэстерхофф, лауреатка Пулитцеровской премии из «Уолл-стрит джорнэл» пишет книгу — год из жизни Бартоли (слава Богу, что не биографию!) для издательства «Кнопф».

Биографию писать рано, ибо она будет катастрофически отставать от жизни певицы. В этом году ее альбомы достигли верхней десятки классических чартов, и компании звукозаписи буквально «пасут» ее, не отставая ни на секунду. «Почему бы вам не записать вот это? А это?»

«В этом году я записала альбом «Портреты Моцарта» и две его оперы — «Идомеи» и «Фигаро», — говорит Бартоли. — Пока хватит. К тому же это не очень выгодно — лучше петь живьем!» До Рождества Барто-

ли дала концерты в Калифорнии и Австрии, затем вернулась в Цюрих для участия в спектакле «Золушка» по опере Россини, затем она споев Деспину в моцартовской опере «Так поступают все» в Вене (в следующем сезоне она дебютирует в «Метрополитен» в этой же роли), затем приедет в Америку, чтобы спеть «Золушку» в Далласе. В 1995 году ей предстоит курсировать между Японией, Канадой и США. Она уверяет, что в 1996 году резко сократит количество выступлений.

забавные случаи из жизни оперной дивы. Летом ей пришлось принимать участие в примерке костюма для «Золушки» в Цюрихе. Помимо нее, в комнате было восемь человек: два костюмера, француз и немец, и шесть переводчиков. Жаль, что сцену примерки не засняли для юмористического шоу. Четыре года назад она впервые выступала в США на Моцартовском фестивале в Нью-Йорке. «Впервые меня поселили в номере-люксе. И в первый же день я увидела на роскошном ковре двух тараканов. Английский я тогда знала плохо; думаю, администрация отеля очень удивилась, когда я выбежала из номера, крича, что

род, она предпочитает снять квартиру, а не номер в отеле, чтобы чувствовать себя хоть не много дома. Когда-нибудь, говорит Бартоли, у нее будут дети, но сейчас «серьезные» отношения невозможны. Если нет времени для себя, как найти время для других?

Ее мама беспокоится вполне в духе итальянской матроны: «Нужно быть очень осторожной с той стаей мужчин, которая постоянно ошивается вокруг моей девочки. Я хочу, чтобы кто-то полюбил ее не за карьеру, а за прекрасную душу». Но певице трудно даже поддерживать связи с друзьями. «Дружбу питает общение, а я постоянно в отъезде». Все, что у нее есть, — семья. Она очень любит старшего брата Габриэле (он скрипач) и младшую сестру Федерику. «Никто из нас пока не связал себя узами брака, и я задаю себе вопрос — неужели замужество разрушит нашу дружбу?»

Бартоли выросла в Риме, где ее родители, Пьетро Анжело и Сильвана, пели в хоре. Детство трудно назвать безоблачным: родители часто ссорились и в конце концов расстались. «На расстоянии друг от друга они чувствуют себя гораздо лучше, — говорит их дочь. — Я ужасно рада, что они могли остаться друзьями; жаль только, что это было им непонятно еще 20 лет назад». Будущая певица любила громко петь в квартире, перекрывая голоса брата и сестры. В раннем детстве она попала на сцену Римского оперного театра в бессловесной роли маленькой пастушки в «Тоске». «Некоторые интервьюирующие меня журналисты убеждены, что я стала звездой с дошкольного возраста, — смеется Бартоли. — Но это не соответствует истине. К восьми годам я считала, что с оперной карьерой покончено».

В школьные годы она мечтала стать танцовщицей, исполнительницей фламейко. Потом осознала, что в Италии мало кому интересны танцы с кастаньетами. В 16 она записалась в Консерваторию, но ей не повезло с учителями, и она решила, что отныне будет учиться только у матери, которая смогла великолепно поставить ей голос. «Секрет прост — она была со мной все время. Обычно учитель занимается с учеником по два часа в день, а мама муштровала меня все 24 часа в сутки. Даже если я пела, запершись в ванной, она кричала из-под двери — нет, не так! Иногда я специально пела неправильно, чтобы проверить, дома она или нет».

Бартоли открыли на телевизионном концерте, посвященном памяти Марии Каллас. Ее выступление было замечено дирижером Дэниэлом Баренбоймом; на следующий день после трансляции концерта он позвонил Бартоли и попросил прийти на прослушивание для оперы «Так поступают все».

«Подходя к аудитерии, — вспоминает Баренбойм, — я услышал, как кто-то великолепно играет прелюдию Баха. Думал, тапер. Оказалось — девушка, которая пришла на прослушивание. С самого начала я понял, что мне нечему ее учить».

Сегодня имя Бартоли знают во всем мире, кроме... ее родной страны. «Я практически не пою в «Ла Скала», потому что их репертуар — Верди, Верди, Пуччини, Верди, а это не в моем стиле. У меня нет вкуса к этим композиторам. Мне трудно было пробиться, в Италии никто не хотел меня слушать. Тем более забавно, когда сейчас меня называют дома «наша Бартоли». С каких это пор я стала «нашей»?»

Кэтрин ЭЙМС.

НЬЮ-ЙОРК.

ЛУЧШАЯ СТАТЬЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЭКСПОРТА



«Я довольна моей карьерой, но скучаю по дому и семье. Музыка — важная часть моей жизни, но это не вся жизнь. Я хочу, чтобы у меня было время для развлечений, учебы — хотя не думаю, что мне нужно учиться моей профессии».

Бартоли охотно рассказывает

на ковре два ужасных зверя!»

Карьера Бартоли началась рано, еще когда она была подростком; поэтому весь ее быт — как забавные, так и утомительные его стороны, — так или иначе связан с разъездами. Она говорит, что часто чувствует себя одинокой. Приезжая в новый го-